

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 90—97.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 90—97.

Научная статья

УДК 930(358)

DOI: 10.46726/И.2024.5.10

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАРТ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XX—XXI ВЕКОВ

Андрей Алексеевич Лидов

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия,

lidov.ivran@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории изучения карт Древней Месопотамии в работах зарубежных исследователей XX—XXI вв. Ее основу составляет анализ публикаций, наиболее важных с историографической точки зрения, что позволяет получить адекватное представление об изучении топографических и космогонических карт, обнаруженных в результате археологических раскопок разного времени на территории древней Месопотамии и датируемых в широких пределах от шумерского и стародаккского периодов (2340—2200 гг. до н. э.) вплоть до нововавилонского времени (626—539 гг. до н. э.). Исследование обладает аналитическим характером, т. е. предполагает не столько общую характеристику и изложение содержания рассматриваемых работ, сколько выявление их актуальности, новизны и содержательной значимости. Помимо воссоздания истории изучения древнемесопотамских карт, статья преследует еще одну важную цель, а именно, характеристику исторической картографии как науки, которая выделилась в отдельную дисциплину лишь во второй половине XX века. Таким образом, в статье реализуется довольно сложный многоуровневый подход, в рамках которого историческая картография характеризуется на основе осуществленных в ее рамках научных публикаций, а сами эти публикации анализируются с точки зрения теоретических принципов и методологии данной науки.

Ключевые слова: Месопотамия, карта, история картографии, Вавилонская карта мира, историография

Для цитирования: Лидов А.А. История изучения карт древней Месопотамии в работах зарубежных исследователей XX—XXI веков // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 90—97.

Хорошо известно, что историческая картография выделилась в отдельную дисциплину лишь во второй половине XX века. Несмотря на короткий период существования, в рамках этой дисциплины успело появиться значительное число публикаций, в которых были систематизированы и описаны карты как важные культурно-исторические артефакты, создававшиеся с периода архаики вплоть до настоящего времени. Особенно ярко это проявилось в отношении древнейших карт, дошедших до нас от эпохи древнего мира и античности. Чрезвычайно важно, что в этом случае обобщение картографических данных сопровождалось расширением исследовательской базы за счет нового, ранее неизвестного или остававшегося маргинальным и использовавшимся по преимуществу узкими специалистами, восточного материала.

Введение в науку и актуализация древних восточных, в том числе месопотамских первоисточников, представляющих собой древнейшие карты мира, оказалось настолько важным, что вызвало переоценку масштаба рассматриваемого явления, во многом приведя к переосмыслению того, что традиционно было принято считать «картой». Благодаря этому новому взгляду были если не полностью пересмотрены, то довольно сильно уточнены и расширены те представления, которые до этого базировались в основном на материалах более поздней западной картографии.

Одним из наиболее масштабных начинаний последних десятилетий стала подготовка шеститомной «Истории картографии», вышедшей под редакцией разных авторов с 1987 по 2015 год [The History of Cartography]. Инициаторы этого проекта — Дж.Б. Харли и Дэвид Вудворд, поставили перед собой задачу свести вместе и опубликовать карты разных культур с целью представить общую картину и облегчить исследователям доступ к значительному числу редких или труднодоступных изображений.

Другой важнейшей задачей проекта «Истории картографии» являлось осмысление ценности карты как документа, создававшегося уже на самых ранних этапах развития человеческой культуры. Данная задача включала в себя обсуждение множества культурных, социальных и мировоззренческих вопросов, формировавших контекст создания и использования карт. Речь при этом шла не только об изучении карт как физических объектов, но и о рассмотрении гораздо более широкого круга сведений об их создателях и потребителях, что, наряду с техническими, определяет важнейшие культурные и социальные аспекты изучения карт.

Еще одной задачей проекта являлась разработка двух основных методологических подходов, уточнение которых было необходимо для развития истории картографии как науки. Первый из них, теоретический, задавал общую стратегию изучения карты как культурно-цивилизационного посредника, кодифицирующего представления человечества о пространстве, второй, более частный и практический — формулировал приемы и способы анализа карт как физического артефакта.

Важным теоретическим положением создателей «Истории картографии» являлась идея об универсальности картографического языка и архетипичности выражаемой с его помощью образности, что позволило сформулировать и проверить ряд гипотез, в том числе, гипотезу о существовании единого хранилища памяти пространственных данных, общего даже для не соприкасавшихся напрямую и не взаимодействовавших друг с другом культур.

Первый том данной серии, опубликованный под названием «Картография в доисторической, древней и средневековой Европе и Средиземноморье», был посвящен картам и географическим представлениям древнего мира и античности. В соответствии с выработанными методологическими подходами в том вошли как более конкретные исследования по отдельным регионам и избранным временным периодам, так и эссе общетеоретического и обобщающего плана, в которых авторы анализировали проблематику зарождения и бытования ранних карт в более широком историческом контексте.

Открывает том раздел под названием «Карта и развитие истории картографии», единственной статьей в котором является эссе Дж.Б. Харли «Историческое значение карты» [Там же 1, ч. 6: 21—27]. Отмечая, что несмотря на то, что карты не получили повсеместного распространения вплоть до эпохи европейского Возрождения, в мире практически не было обществ, в которых бы

не создавались карты, являвшиеся древнейшим способом отражения мира и, подобно живописи, предшествовавшие письменному языку и другим видам специализированного знания, подобным геометрии, счету и т. д.

По мнению Харли, когнитивная способность к отображению пространства присутствовала в человеческом сознании изначально, задолго до появления тех физических артефактов, которые сегодня мы называем картами. Важно, что последние имели, по его мнению, прикладной характер и являлись одной из древнейших форм человеческой коммуникации, служа своего рода посредниками между внутренним ментальным сознанием и попытками отражения внешнего физического мира. Как показывает Харли, карты использовались как инструменты, которые помогали человечеству осмыслить окружающее его мироздание, оценив его качественно и количественно и представив в сопоставимых с человеком масштабах. Таким образом, указывая на то, что карты были не только широко распространенным, но и чрезвычайно древним явлением, Харли настаивает на том, что практика составления карт была неотъемлемой частью жизни большинства цивилизаций, включая те, о которых мы знаем сравнительно немного благодаря археологическим или лишь частично дошедшим до нас изобразительным и письменным источникам.

Намеченные Харли подходы к изучению исторической картографии конкретизировались в других подразделах тома, сформированных по историко-географическому признаку. Первый из них под названием «Картография в доисторической Европе и Средиземноморье» включал три главы, а именно, «Доисторические карты и история картографии: введение» Кэтрин Делано Смит [Там же: 45—49], написанный ею же обширный раздел «Картография в доисторический период Старого Света: Европа, Ближний Восток и Северная Африка» [Там же: 54—101], а также небольшое эссе Дж. Малкольма Льюиса «Истоки картографии» [Там же: 50—53].

Все эти три статьи, написанные ведущими специалистами в своих областях, как бы продолжали введение Харли и носили не столько описательно-прикладной, сколько обзорный и теоретико-проблемный характер. Особенно показательной в этом смысле является статья «Истоки картографии», в которой Льюис связывает зарождение практики картографирования с формированием пространственного сознания, опорными точками которого являлись такие парные оппозиции, как левое и правое, внутреннее и внешнее, высокое и низкое, закрытое и открытое, центр и периферия, симметричное и асимметричное и т. д. Именно на их основе, по мнению Льюиса, и формировались некогда навыки картографирования, развивавшиеся параллельно с другими формами коммуникации, как более ранними пластическими (сюда Льюис включает язык тела и жестов), так и более поздними вербальными, приведшими к формированию полноценного языка.

Следующий раздел «Картография в древней Европе и Средиземноморье» включает 11 статей, охватывающих период с момента зарождения картографии на древнем Ближнем Востоке вплоть до функционирования ее развитых форм в Византийской империи. Древняя и восточная картография, интересующая нас в рамках данного обзора в первую очередь, рассматривается в статьях А.Р. Милларда «Картография на древнем Ближнем Востоке» [Там же: 107—116], А.Ф. Шора «Египетская картография» [Там же: 117—129] и нескольких разделах, подготовленных редакцией на основе материалов, предоставленных Жермен Ожак. Завершает раздел эссе «Картография в Древнем мире: Заключение» А.В. Дилка [Там же: 276—279], в котором он выделяет черты сходства

и различия изобразительной картографии Месопотамии и Египта по отношению к теоретическим картографическим знаниям, получившим распространение в Греции и Риме.

Появление фундаментальной «Истории картографии» было бы невозможным без предшествующих исследований, включающих как работы общетеоретического и обзорного плана [Crone], так и более специальные, посвященные картографии Ближнего Востока. Среди обобщающих исследований следует выделить «Историю картографии» Лео Багроу, вторая глава которой содержит обзор вавилонских карт и попытку определения их места в контексте картографии древнего мира [Bagrow].

Что касается специализированных публикаций, то они появлялись в основном в связи с обобщением результатов археологических исследований и введением в науку нового, ранее недоступного материала. В процессе археологических раскопок, активно проводившихся в «библейских землях» уже в XIX веке [Vollrat], было обнаружено значительное число глиняных клинописных табличек разного времени, лишь небольшая часть из которых содержала изображения, в том числе карты. В основном это были фрагменты карт, не привлекавшие внимание широкой публики и интересные лишь узким специалистам.

Ситуация принципиальным образом изменилась, когда в сезон 1930—1931 гг. в процессе раскопок американской (Гарвардско-Багдадской) экспедиции в районе Йорган-Тепе (совр. Ирак) была обнаружена полная географическая карта, названная картой из Нузи (как данный район именовался в античности) или картой из Га-Сура (как та же местность называлась в древнеаккадский период). Открытие было сделано в процессе раскопок архива, датируемого ок. 2600 г. до н. э. Таким образом, обнаруженная табличка была очень ранней, что позволило говорить о находке древнейшей карты мира.

Этот уникальный артефакт не только вызвал значительный интерес к месопотамским картам, но и определил появление многочисленных исследований, часть которых до сих пор не утратила своего значения. К числу последних принадлежат несколько публикаций Теофила Джеймса Мика*, в которой он не только описал найденную карту, фактически введя ее в науку, но и предложил свою интерпретацию найденного изображения.

Примерно в то же время появилась и статья Эххарда Унгера «Древние вавилонские карты и планы» [Unger: 311—322], в которой был сделан самый первый общий обзор месопотамских карт, что позволило ученым более ясно представить себе данное явление. Однако самой значительной заслугой Унгера являлось изучение вопроса об ориентации ближневосточных карт, благодаря чему его статья до сих пор остается одним из важных исследований проблемы определения вавилонских сторон света.

Несколько специализированных работ были посвящены изучению планов городов, прежде всего карт города Ниппура среднеавилонского времени (ок. 1500 года до н. э.). Среди этих работ следует отметить соответствующий раздел в монографии С.Н. Крамера [Kramer], обобщающий более ранние статьи по публикации и изучению этих карт, а также статью М.Дж. Гибсона [Gibson: 26—38], сопоставившего карту Ниппура с результатами археологических раскопок города. Важной для представления полученного в результате археологических раскопок материала была и статья В. Реллига, в которой был

* См. : [Meek 1931: 1—12; Meek 1932: 2—5]. Данные этих ранних работ были обобщены в более поздних и подробных публикациях [Meek 1935; Meek 1936: 223—226].

дан не только общий обзор, но и типологическое сопоставление наиболее важных месопотамских карт [Röllig].

Обширная литература была посвящена и самой известной из карт этого региона, так называемой Вавилонской карте мира, активно обсуждавшейся не только исследователями Ближнего Востока, но и историками картографии и учеными смежных специальностей. Среди этих публикаций, значительная часть которых остается описательной или даже популярной, выделяются работы израильского исследователя Уэйна Горовица. В результате тщательного изучения Вавилонской карты мира и ее сопоставления с доступным месопотамским материалом, Горовиц предложил последнюю по времени реконструкцию этой карты, во многом основывающуюся на предложенном им варианте прочтения сопровождающего ее текста на табличке.

Глубоко фундированной была уже первая статья Горовица, опубликованная в 1988 году [Horowitz 1988: 147—165], в которой он предпринял попытку проанализировать Вавилонскую карту мира в рамках более широкого контекста месопотамской картографии, обратив особое внимание на ее контекстуальные, филологические и технические аспекты. Горовиц показал, что древние месопотамские представления о Вселенной оставались удивительно постоянными на протяжении примерно 2500 лет, начиная с самых ранних литературных свидетельств середины III тыс. до н. э., национального эпоса «Энума элиш» конца II тыс. до н. э., вплоть до памятников эллинистического Урука и эпохи конца клинописи.

Шумеро-аккадцы представляли вселенную как состоящую из наложенных друг на друга уровней, разделенных открытым пространством и удерживаемых вместе за счет космических связей. Наверху находилась область высшего мира, располагавшаяся над небом, где обитали боги неба, затем следовало звездное небо, поверхность земли, подземные воды Абзу и, наконец, мир мертвых. Как показывает Горовиц, важными, по сути преднаучными, были такие месопотамские космологические представления, как существование невидимой области над зримой частью неба, а также выделение четырех регионов мира, важных для понимания ориентации дошедших до нас месопотамских карт.

Впоследствии эта статья в несколько переработанном и дополненном виде была включена в обобщающую монографию Горовица 1998 года [Horowitz 1998]. В этой публикации Горовиц поставил перед собой цель проанализировать как можно более широкий круг источников, что придало его исследованию статус своеобразной базы данных. Самого Горовица в первую очередь интересовали имеющиеся в шумерских и аккадских текстах свидетельства о физической структуре Вселенной и ее составных частях, проанализированные им с целью проследить эволюцию космологических представлений по мере совершенствования астрономии и расширения объективных знаний о географии земли и неба.

Центральным объектом его исследования продолжала оставаться Вавилонская карта мира. Горовиц не только проанализировал космологическое и филологическое содержание карты, но и, проведя сравнение с другими космологическими текстами, предложил целостную реконструкцию этого памятника. Известные карты и планы городов, такие как карта из Га-Сура, не могли ему в этом помочь, поскольку Карта мира, как было показано Горовицем, является уникальной и не имеет аналогов среди других месопотамских и других ближневосточных карт. При этом несмотря на то, что она представляет мир в очень крупном, всеохватном масштабе, в ней используются стандартные для

месопотамской картографии условные обозначения, в частности, различные геометрические фигуры, закрепленные для изображавшихся на картах топографических объектов. Например, «океан» (*маррату*) показан как область внутри двух концентрических кругов, что сопоставимо с практикой изображения рек и каналов при помощи двух параллельных, обозначающих их берега, линий. Более того, обозначенные на топографических картах круговые сегменты рек по форме близко напоминают космический океан на вавилонской Карте мира. В то же самое время, как отметил Горовиц, Карта мира обладает целым рядом уникальных черт и особенностей. В частности, в отличие от топографических карт и планов, которые почти с самого начала в месопотамской картографии представлялись в правильном масштабе и математически точно соотносились с размерами изображаемого объекта, для карты мира характерна условность масштабирования, определенная невозможностью достоверно в точном масштабе изобразить составные части огромной вселенной.

По мнению Горовица, целью создания этой карты было стремление определить местоположение отдаленных регионов, показав хотя бы примерно, как они могут располагаться по отношению к таким известным местам, как Вавилон, Ассирия и Евфрат. Заинтересованность ее создателей в этих отдаленных полумифических странах отражает общий интерес к географии мира в первой половине I тыс. до н. э., когда Ассирийско-вавилонская империя достигла своего расцвета. Другими проявлениями того же процесса стала организация экспедиций, предоставивших данные для составленной в новоассирийский период «Географии Саргона», а также возведение гигантских «ботанических садов», где соседствовали экзотические растения, привезенные из дальних стран.

Разделы по месопотамской картографии появлялись также в ряде общих исследований, посвященных языкам и культуре Месопотамии, таких как «Повседневная жизнь в Древней Месопотамии» К.Р. Немет-Неджата [Nemet-Nejat: 93—97] и «Вавилоняне. Введение» Дж. Лейка [Leick: 9—18]. Важно, что в этих работах картография нередко рассматривалась в контексте географии, что создавало более объемную картину явления.

Завершая обзор основных исследований по истории месопотамской картографии, следует сказать несколько слов о современных отечественных исследованиях данной темы, к сожалению, достаточно скромно представленных в российской историографии. Общим обзором, рассматривающим не только месопотамские карты, но также древнеегипетскую и израильскую традиции картографии, является статья А.К. Лявданского, содержащая аннотированную библиографию наиболее важных зарубежных исследований [Лявданский]. Нельзя также не отметить и несколько публикаций А.В. Подосинова, прежде всего его работы общетеоретического и концептуально плана, а также ряд исследований, посвященных проблеме ориентации древних карт [Подосинов 1999; Подосинов 1992: 64—74].

Список литературы / References

- Лявданский А.К. Из истории картографии и географии на древнем востоке. URL: <https://paleocentrum.ru/science/iz-istorii-kartografii-i-geografii-na-drevnemvostoke.html> (дата обращения: 01.05.2024).
(Lyavdanskyy A.K. From the History of Cartography and Geography in the Ancient East. — In Russ.)
- Подосинов А.В. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.
(Podosinov A.V. EX ORIENTE LUX! Orientation to the Cardinal Points in the Archaic Cultures of Eurasia, Moscow, 1999, 720 p. — In Russ.)

- Подосинов А.В. Ориентация древних карт (с древнейших времен до раннего средневековья) // Вестник древней истории, 1992. № 4. С. 64—74.
(Podosinov A.V. Orientation of Ancient Maps (From Ancient times to the Early Middle Ages), *Journal of Ancient History*, 1992, no. 4, pp. 64—74. — In Russ.)
- Bagrow L. *History of Cartography*, ed. and revised by R.A. Skelton, London: C.A. Watts and Co., 1964, 312 p.
- Crone G.R. *Maps and their Makers: An Introduction to the History of Cartography*, Connecticut: Dawson UK., 1978, 152 p.
- Gibson McG. Nippur: New Perspectives, *Archaeology*, 1977, vol. 30, pp. 26—38.
- The History of Cartography. 6 vols: in 8 books, ed. by Harley J.B., Woodward D. etc., Chicago: University of Chicago Press, 1987—2015.
- Horowitz W. *Mesopotamian Cosmic Geography*, Indiana: Eisenbrauns, 1998, 410 p.
- Horowitz W. The Babylonian Map of the World, Iraq, 1988, vol. 50, pp. 147—165.
- Kramer S.N. *History Begins at Sumer: Thirty-Nine Firsts in Recorded History*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981, 388 p.
- Leick G. *The Babylonians: An Introduction*, London; New York: Routledge, 2002, pp. 9—18.
- Meek T.J. Some gleanings from the last excavation at Nuzi, *The Annual of the American Schools of Oriental Research*, 1931, vol. 13, pp. 1—12.
- Meek T.J. The Akkadian and Cappadocian Texts from Nuzi, *Bulletin of the Schools of Oriental Research*, 1932, vol. 48, pp. 2—5.
- Meek T.J. *Excavations at Nuzi*, Oxford: Harvard Semitic Series X, 1935, vol. III, 262 p.
- Meek T.J. The Orientation of Babylonian Maps, *Antiquity*, 1936, vol. X, pp. 223—226.
- Nemet-Nejat K.R. *Daily Life in Ancient Mesopotamia*, Westport, CT and London, 1998, 368 p.
- Röllig W. Landkarten, Reallexicon der Assyriologie et d'Archéologie Orientale, Berlin: De Gruyter, 1983, bd. VI, pp. 321—480.
(Röllig W. Maps, Encyclopedic reference book about Assyriology and Oriental Archeology, Berlin: De Gruyter, 1983, vol. VI, pp. 321—480. — In Germ.)
- Unger E. Ancient Babylonian Maps and Plans, *Antiquity*, 1935, vol. IX, pp. 311—322.
- Vollrat H.H. *Explorations in the Bible Lands*, Philadelphia: A.J. Holman, 1903, 809 p.

THE HISTORY OF RESEARCH OF ANCIENT MESOPOTAMIAN'S MAPS IN THE WESTERN SCHOLARSHIP OF THE 20th—21st CENTURIES

Andrei A. Lidov

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, lidov.ivran@gmail.com

Abstract. The paper explores the history of research dedicated to maps of Ancient Mesopotamia based primarily on publications of Western scholars of the 20th—21st centuries. The focus is given to studies that bear particular importance for the historiography and help to obtain an adequate understanding of the development of the field of topographic and cosmogonic maps discovered as a result of archaeological excavations at different times in the territory of Ancient Mesopotamia and dating back widely from the Sumerian and Old Akkadian periods (2340—2200 BC) to the Neo-Babylonian time (626—539 BC). This paper offers an analytical approach, which presupposes not so much a general description and presentation

of the content of the works under consideration, but rather the identification of their relevance, novelty, and line of arguments. In addition to reconstructing the history of research of ancient Mesopotamian maps, the article pursues another important goal, namely, the characterization of historical cartography as a discipline, which emerged and acquired its own methodological framework only in the second half of the 20th century. Thus, the paper implements a rather complex multi-level approach, within which historical cartography is characterized on the basis of scientific publications which contributed to shaping its outlines, while these publications themselves are analyzed from the point of view of the theoretical principles and methodology of the scholarly approach they were meant to promote.

Keywords: Mesopotamia, map, history of cartography, Babylonian map of the world, historiography

For citation: Lidov A.A. The History of Research of Ancient Mesopotamian's Maps in the Western Scholarship of the 20th—21st centuries, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 90—97.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 16.09.2024.

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 16.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Лидов Андрей Алексеевич — научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия, lidov.ivran@gmail.com

Lidov Andrei Alexeyevich — Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation, lidov.ivran@gmail.com